

Тишина, ошеломившая в начале разговора, казалось, почти одержала верх над Джирайей, но я почти видел, как он сознательно решил пробиться сквозь прилив воспоминаний, когда возобновил свой рассказ: "Пока Цунаде исцеляла раненых, оставшийся выжал из себя все силы, чтобы дать отпор. И на все наши умения у него всегда находился другой трюк. Он использовал Суитон, чтобы перенаправить Райтон Орочимару, мои комбинации на основе Катона были просто утоплены, а грязь у наших ног ожила по его команде, его чакра была настолько мощной и умело направленной, что Дотон моей команды был отключен прежде, чем мы смогли завершить ручные печати."

"Это было похоже на целую жизнь, проведенную в борьбе..." Джирайя слабо сомкнул руки, поднял голову и снова уставился в пламя: "Мы сражались 2 дня на скорости, с которой большинство шиноби не могли и сравниться, и как только Цунаде, Орочимару и я едва стояли на ногах, балансируя своим весом друг с другом, чтобы не упасть, Ханзо вернулся на голове своего призыва... Ибусе... и отпустил нас, провозгласив нас Легендарными Ниндзя, потому что мы выжили против него".

Беловолосый шиноби поднял глаза от пламени и снова уставился в мой Шаринган: "S-ранг... это, пожалуй, самая лучшая шутка, которую я когда-либо слышал. Некоторые люди могут выдержать твой сильнейший удар, других просто невозможно поймать, а для всего, что ты делаешь, S-ранг может найти решение, используя чакру таким образом, о котором ты даже не подозревал".

Я дышал медленно, совершенно неподвижно, стараясь не издавать ни малейшего звука, а напряжение в плечах Джирайи, казалось, таяло, как будто он только что снова сражался с Ханзо: "Если ты достаточно долго сражаешься на фронтах войны и выживаешь, то, если тебя осталось достаточно, твои навыки перетекают один в другой, твой разум извращается, и ты находишь невозможные способы, с помощью которых можно подойти к проблеме. И хотя я и моя команда продолжали отдавать приказы контролировать фронт, я чувствовал, что оставил частичку себя на каждом поле боя, в каждой командной палатке".

Все мои мысли о том, чтобы манипулировать Джирайей, чтобы он согласился научить меня необходимым ручным печатям, чтобы найти себе личный контракт на вызов, рассыпались и умерли в тот момент. При всех недостатках мира, в котором я находился, Джирайя всегда был корректен со мной. Раздражало, конечно, даже раздражало, но давить на него сейчас, после того, как он был очень близок к тому, чтобы обнажить передо мной душу из-за плана, который я подготовил за неделю до этого... это было просто бесчеловечно.

"Пока мы оставляли Амэ, и не заблуждайтесь, с тех пор никто всерьез не пытался завоевать деревню, я наткнулся на трех сирот...", - тогда на лице Джирайи появилась мягкая улыбка, как солнце, проглядывающее сквозь тучи после грозы: "Все было просто. Наконец, что-то, что кричало мне и что я не мог проигнорировать: "Это правильно", - беловолосый шиноби посмотрел на свои ладони с той странной искренней улыбкой, которая все еще была на его лице: "Ах, да, что-то правильное".

"Именно тогда, когда я встретил детей, я понял, что я хочу делать, по-настоящему делать", - он поднял голову, прижав меня к себе, его руки сжались с силой, которая, без сомнения, могла бы разбить алмазы: "Мир".

В его словах было столько убежденности, что я почти ощущал это как физическую вещь: "Я бы нашел способ принести мир, с бескровной войной, одной против всех войн".

С моей новообретенной способностью чувствовать, я мог видеть это. Тот глубокий резервуар, который я ощущал интуицией, тот глубокий толчок, который поддерживал бурный поток, которым был Джирайя: решимость. Воля настолько непреклонная, что я, трансигрировавшая душа, которая с самого первого дня планировала, как отвалить, действительно поверил ему.

Он смотрел на меня открыто, без уловок или второй цели, и если он и был удивлен, увидев мою Кровную Линию активной, то никак это не прокомментировал. Он поднял обе руки, сжав каждую в кулак: "Цель, Ниндо: первая дает тебе направление, вторая определяет, как ты относишься к самой жизни. Моя цель - "мир", а мой Nindō - "никогда не сдаваться", и, руководствуясь этими двумя принципами, я стал больше, чем когда-либо считал возможным".

Я видел, как он это объяснял: этот мир постоянно разрушал беззаботную душу беловолосого шиноби, человека, который не хотел бы ничего другого, кроме как расслабиться и провести остаток жизни, соблазняя красивых девушек. Кровь и насилие всегда присутствовали на заднем плане, нависая над каждым моментом его жизни вплоть до кульминации, которой стал его бой с Ханзо.

И подобно алмазам, образующимся под давлением, Джирайя, как он объяснил в начале нашего разговора, попал в S-ранг. Кровавый мир Элементальных Наций превратил его в чудовище наряду с Цунаде и Орочимару. Но там, где другие впали в безумие, заставившее Змеиного Призывателя навязчиво искать способ избежать смерти, где обида и безнадежность согнули Нагато в Боль, Джирайя обрел решимость, которую можно было определить только как нечеловеческую.

Сама мысль о том, чтобы бросить вызов природе Элементальных Наций на таком уровне, вырасти, как он, в той культуре, которой нужны были дети-солдаты, чтобы выжить... безумие. Теперь я видел, как невозможные вещи, которые удавалось совершать шиноби ранга S, были лишь следствием безумия внутри. Безумие, заставившее Сасори превратить себя в псевдоробота, было лишь самым подлым примером.

Джирайя - не персонаж из манги. Эта мысль ворвалась в меня с силой товарного поезда. О, я знал это, я понял это, как только убедился, что не нахожусь во сне, я знал, что моя жизнь в Элементарных Нациях была реальной с момента моего первого случайного спарринга с Ли. Но, возможно, впервые я почувствовал это.

Когда Джирайя снова и снова сталкивался с реальностью, порождающей войну, он просто говорил "Нет", и с тех пор он осознал себя со своим Ниндо и Целью. Он казался идеалистом, может быть, даже наивным, но только для отвлеченного взгляда. Нет, Жабий Призыватель прекрасно осознавал природу мира, в котором он находился, и хотя он на всех уровнях понимал, что стремится к Миру для каждого живого существа на планете, ему не хватало инструментов, чтобы представить, как этого достичь. Несомненно, тот факт, что Жаба пророчила его учение "Единому", был единственной причиной, по которой он не проявлял инициативы в деле установления мира.

"Сложные люди обычно слабы, потому что в своей основе они хотят много разных вещей и не выбирают сознательно ни одну из них", - сказал он мне со знанием дела, его глаза буравили меня, как будто он мог читать мои собственные мысли, - "Очевидно, что вам не хватает... направления".

Я на мгновение замер, несмотря на мои попытки подавить инстинктивную реакцию.

"Ты бежишь от того, что случилось с твоим кланом".

Не совсем. Я не мог не вздрогнуть от облегчения, когда он подтвердил, что понятия не имеет о моих полузабытых планах бегства из Конохи.

"Но ты можешь сделать нечто большее, чем бегство до конца жизни, нечто большее".

"Большее?" Я почувствовал ухмылку на своих губах: "Что-то вроде мира?" Я не насмеялся над ним, но я знал, насколько это невозможно, и только потому, что я мог уважать его преданность и был немного тронут его историей, это не означало, что я возьму его мечту как свою собственную. Я не был Наруто.

"Что-то вроде этого." Джирайя сардонически улыбнулся.

Я отрицательно покачал головой: "Шиноби и мир плохо сочетаются... Сила ищет силу, а Великая Сила приглашает к конфликту, для Деревни это означает войну."

В моих глазах было ясно: даже если я стану полным дерьмом, каким был канонный Саске, даже если я стану Хокаге, лучшее, к чему я мог стремиться, это стать ядерным сдерживающим фактором, каким был Хаширама. Потом то, что я только что сказал, дошло до меня, и я снова застыл на месте.

Глаза Джирайи стали серьезными, тяжелыми, и на мгновение показалось, что он собирается ткнуть пальцем в слона в комнате. Слова, которые я проронил, вряд ли говорили о моих планах покинуть Деревню Скрытую в Листве, но они подразумевали, что мне плевать на Коноху. И не только это, но я, по сути, сказал, что

Потом момент прошел, и беловолосый шиноби разразился недоверчивым смехом, отказываясь обсуждать потенциально драматическую тему, которая только что прошла мимо нас.

Затем он замер, и я внезапно уловил изменение атмосферы, красные глаза налились кровью, когда я инстинктивно вызвал к жизни свою родословную, сделав глубокий вдох, когда я почувствовал свое окружение со всем смехотворным мастерством, которого я достиг за последние недели.

Джирайя повернулся влево как раз вовремя, чтобы ударить Расенганом в коричневую змею

размером с товарный поезд, а затем исчез быстрее, чем я успел осознанно проследить за ним, его чакра вырвалась из него как ответ на внезапную атаку.

У меня не было времени обдумать происходящее, прежде чем я бросился на другую сторону костра, удар едва пропустил мой затылок, а я инстинктивно схватил маленький рюкзак, в котором находились все вещи, которые я запечатал перед отъездом из Конохи, и закрепил его на спине, доставая кунай, готовый к бою. Орочимару здесь.

Змея не могла означать ничего другого.

Затем человек, с которым я не желал сражаться без существенной поддержки, вошел в свет, отбрасываемый костром, его зеленые глаза оценивающе оглядели меня.

Учиха Саске, - заговорил Кимимаро, его голос был настолько сухим, что пустыня показалась бы ему озером, - пока Орочимару-сама сражается, ты пойдешь со мной."

Чертовски маловероятно. Катон мгновенно поднялся из моего нутра, огненный шар размером с лошадь рванулся вперед.

И бой начался.

<http://tl.rulate.ru/book/62622/1779409>